

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №1, Том 11 / 2020, No 1, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf>

**Ссылка для цитирования этой статьи:**

Цыдендамбаева О.С. Концепт жизнь человека в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

**For citation:**

Tsydendambaeva O.S. (2020). The concept of human life in a euphemistic picture of the world based on the material of English, German, Russian, Buryat languages. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (in Russian)

УДК 811.111`37:81`38

**Цыдендамбаева Оюна Сергеевна**

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», Улан-Удэ, Россия

Старший преподаватель

Кандидат филологических наук

E-mail: [ozdojuna@inbox.ru](mailto:ozdojuna@inbox.ru)

## **Концепт жизнь человека в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков**

**Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию эвфемизмов в разносистемных языках с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, а также тому, как в них отражен познавательный опыт человека и его самосознание. Эвфемизмы остаются до настоящего времени недостаточно изучены. Между тем, изучение языкового выражения ключевых концептов культуры входит в число важнейших программ современной лингвистики, такое пристальное внимание лингвистов к явлению эвфемии продиктовано необходимостью лингвокультурологического подхода к анализу эвфемизмов в языках, рассмотрением её в свете современных социокультурных изменений, которые делают обращение к эвфемизмам и отражаемым ими ценностям особенно своевременным.

Понятие и явление, называемое «жизнь человека», – универсалия, существующая в любой культуре. Эта универсалия многогранна, при кажущейся очевидности содержания определяется весьма непросто, она по-разному интерпретируется и концептуализируется в разных языках и культурах. Понимание жизни, отношение к жизни в любой лингвокультуре представляет собой базовый ориентир человеческого поведения, который определяет этноспецифические нормы и стереотипы общения, а также ментальность носителей языка.

В данной работе на основе исследованного корпуса эвфемизмов нами предпринята попытка смоделировать концепт «жизнь человека» для реконструкции фрагментов картины мира носителей разносистемных языков. При изучении концепта «жизнь человека» характерны коннотации, связанные с понятиями о семье и доме как основными атрибутами жизни человека.

В исследовании использованы методы: общенаучные – анализ и синтез; специальные методы семантического анализа, моделирования; дефиниционного и концептуального анализа.

**Ключевые слова:** концепт; эвфемизм; картина мира; метафора; метонимия; персонификация; универсалии; национально-маркированная лексика; субститут; ментальность

Понятие и явление, называемое «жизнь человек», – универсалия, существующая в любой культуре. Эта универсалия многогранна, при кажущейся очевидности содержания определяется весьма непросто, она по-разному интерпретируется и концептуализируется в разных языках и культурах. Определяя функциональное назначение языка как выражение бытия, К. Ясперс полагает, что язык служит выражением бытия, порожден бытием и отнюдь не является механическим средством. Язык принадлежит бытию [1].

Поскольку семантическая система есть форма существования картины мира, сделаем попытку проследить на материале эвфемизмов в исследуемых языках особенности языковой картины мира носителей этих языков, поскольку человек ориентируется в мире при помощи понятий, заложенных в его родном языке, а языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка.

Многие эвфемизмы данного концепта порой настолько глубоки и значительны, что, услышав их, мы невольно представляем картину жизни, историю бурятского народа, перед глазами встает яркая, солнечная, выразительная и в то же время суровая жизнь степняка-кочевника, регламентируемая вековыми обычаями, традициями. Так, выражение *гэр хааха* – «закрыть дом» означает жениться на вдове своего брата. В старину в бурятском обществе бытовал обычай левирата, когда вдове полагалось выйти замуж за брата покойного мужа. Она могла выйти замуж за неженатого брата умершего мужа, или, если таковой отсутствовал, в некоторых случаях становилась второй женой женатого брата. Тем самым имущество (приданое) и хозяйство (скот), накопленные годами, оставались в семье.

Другая, не менее важная причина существования этого обычая в бурятском обществе заключалась в том, что он в немалой степени покровительствовал неимущим вдовам и сиротам, не обладающими достаточными средствами и возможностями для ведения самостоятельного хозяйства и обеспечения жизнедеятельности своей семьи. О том, что у бурят существование левирата было связано именно с заботой о будущем детей и жен, отмечал в свое время Б.Э. Петри: «...надо сказать, что буряты благодаря этому институту могут совершенно не опасаться, что в случае внезапной смерти их жены и дети окажутся в беспомощном состоянии. Если жена только не нарушит по доброй воле традиций, всегда найдется какой-нибудь родственник, который возьмет их к себе и будет о них заботиться как настоящий муж и отец» [2].

Этот обычай отражает отношение бурятского этноса к осиротевшей семье. Вместе с тем он, несомненно, ущемлял права женщины, ибо она лишалась права выбора и самостоятельного устройства своей дальнейшей жизни. Между тем ущемление прав проявлялось и в отношении мужчины – родственника покойного, который был обязан по обычаю взять вдову себе в жены. В конце XIX в. повсеместно широко распространенным явлением у бурят становится заключение браков между вдовой, живущей в доме покойного мужа, и посторонним мужчиной, не являющимся родственником ее мужа. Такое явление называют у бурят *ху орулха* «впустить человека» [3].

Эвфемизм *гэр мал болохо* – жениться «дом, скотину иметь», от *гэр* «дом, юрта», *мал* «скотина» (основные составляющие семейного, женатого человека), то есть выражение подразумевает «обзавестись домом, юртой и, что немаловажно для семьи, скотом – единственным в прошлом источником питания, а также сырьем для пошива одежды». Семья для буряты – основа, во многом определяющая его жизнь, является также поддержкой и опорой. Основные составляющие бурятской семьи – дом (юрта) *гэр*, где хозяйка создает уют и быт. Бурятская юрта – это частичка модели мира, в которой гармонично представлен быт, весь уклад бурятской семьи.

Буряты – это кочевники. Для них традиционная юрта удобна для передвижения, «вслед за травой и водой». Стены – из войлока, а конструкция – из тальника. Она легко разбирается, теплая зимой, прохладная летом, выдерживает сильные ветра и ураганы. К тому же юрта для бурят – часы и компас: лучи солнца, скользя по решетчатым стенкам – меткам, показывали время, а сектора юрты связаны с 12-летним циклом старинного календаря кочевников. Дымовое отверстие символизирует выход в запредельное пространство – Время. Крыша юрты символизирует Верхний мир, Небо. Стены юрты символизируют Срединный мир, Землю. Дверь – граница между двумя мирами, внешним и внутренним, символ прочности жилья и всего рода. Порог юрты – место обитания духа, покровителя жилища. В центре юрты располагается очаг – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений, где живут дух Огня и дух-покровитель семейного очага, главная защита. Внутри юрты помещение разделено на две половины: правую и левую. На левой, западной, мужской половине располагается скотоводческий и охотничий инвентарь. А вся хозяйственная утварь находится на правой, восточной, женской половине юрты.

Одним из главных мотивов брака было сознание необходимости продолжения рода для того, чтобы он не оборвался и не угас, чтобы домашний очаг горел, пепелище предков не развеялось [4].

Гендерная дифференциация понятий «мужчина» и «женщина» в бурятском обществе также отражена в языке: *бэһэгүй хүн* – это женщина, «человек без пояса», поскольку женщины не носили пояса. Поэтому костюм предбайкальской женщины несколько отличается от забайкальской. Для западных бурят характерна традиция, норма, предписываемая женщинам, – они обязаны быть с покрытой головой и спиной, удлиненный жилет (*хубайси*) – усиленная защита спины и торса родившей женщины, то есть Матери. Рукава одежды женщин Предбайкалья были цельными.

Женская одежда Забайкалья отличалась тем, что рукава (*хамсы*) костюма были составными, и женщины носили короткие безрукавки (*хунаатхи*).

В отличие от женской одежды важной деталью мужского костюма является пояс, поэтому мужчину называют *бэһэтэй хүн* – «человек с поясом». Пояс (*бэһэ*) должен быть длиной 7–8 метров, шириной 40 см. Он предназначен не только для красоты, но имеет некую защитную функцию. На поясе обычно висит табакерка, нож в ножнах (*хутага*) – Защита, огниво в кошельке (*хэтэ*) и кремень – Огонь и Жизнь. У бурят не принято бросать на землю пояс, перешагивать через него, отрывать. Пояс – не только символ чести и достоинства мужчины, он аккумулирует мужскую энергию. Он мог быть любого цвета и богато украшен насечками и кораллами. Охотники носили на поясе зубы и когти зверя, приносящие удачу на охоте.

Предбайкальские буряты часто носили за поясом мешочки из ткани (*хантага*) с деревянными чашечками. Обмен поясами представлял собой свадебный договор, закрепляя и узаконивая его. Пояс закреплял и еще один прекрасный, но забытый обычай: побратимство – дружеский союз, который у бурят признавался равным родственному [5].

Своеобразны эвфемизмы, относящиеся к обозначению отношений между полами, любовной или половой связи в сопоставляемых языках. Сравним эвфемизмы данной семиосферы. Так, в бурятском языке представлены эвфемизмы: *наадаха* – «играть», *орондо оруулха* – букв. «впустить в кровать» вместо «иметь интимные отношения», *бэедээ оруулха* – букв. «к себе пустить».

В английском языке: *to live together* – «вместе жить», *to form close links* – «создавать тесные связи, узы» в значении *to have sex* – «иметь секс»; англ. *affair* – «дела, любовная связь», *ballet* – «балет», *exploit* – «подвиг», *go to bed with sb* – «пойти в кровать с кем-либо» вместо *to have sex with sb* – «иметь интимные отношения».

В немецком языке: *der Verkehr* – «отношения», *das Verhältnis* – «связь» в значении *Sex* – «секс», *mit j-m das Bett teilen* – букв. «делить с кем-либо кровать» вместо *Sex haben* – «иметь интимные отношения»; подобные выражения можно найти и в русском, английском, немецком языках: рус. «делить свое ложе с кем-либо», англ. *go to bed with sb* – «пойти в кровать с кем-либо» вместо *to have sex with sb* – «иметь интимные отношения», нем. *mit j-m das Bett teilen* – букв. «делить с кем-либо кровать» вместо *Sex haben* – «иметь интимные отношения». Сфера интимных отношений в разных языках и культурах содержат общую коннотацию «кровать»: в бурятском – «орон», английском – «bed» и в немецком языке – «das Bett».

Семантические расхождения в выражениях отношений в бурятском языке представлены следующими эвфемистическими выражениями: *нэгэ орондо багтахха болохо* – «не влезть в одну кровать», *тамасалдаха* – от «*татаха* – тянуть», *хабиралдаан* – «трение», *халбагаа хахарха* – «ложка треснула». Сравним в русском языке: *иметь разногласия*; в немецком языке *sich reiben* – от «*reiben* 1. тереть; 2. натирать; 3. сталкиваться», *keinen guten Faden miteinander spinnen* – букв. «не сшить нить друг с другом» – не ладить друг с другом [6].

Испокон веков подрастающее поколение бурятского народа относится к старшим с должным вниманием и уважением, почитает старших по возрасту и положению людей, ведет себя при старших корректно, не вмешивается в их разговоры. Строго осуждалась развязность при обращении к старшим. Эта этическая норма поведения также отражена в эвфемизмах. Так, в бурятском языке не принято называть возраст человека. Например, обозначение *үтэлөөшэ* – «престарелый, старый, старик» заменяется следующими эвфемизмами *үндэр наһан болохо* – досл. «стать высоких лет», так как денотат *үтэлөөшэ* – «престарелый, старый, старик» содержит более отрицательную оценку, *наһатай* – «иметь возраст, с годами», *гушяая хараха* – «увидеть своих правнуков», *боро толгойтой* – «с седеющей головой». В английском обществе его заменяют выражением *blue hair* – «голубые волосы», данные эвфемизмы выполняют функцию смягчения в повседневном общении. В бурятском языке субститут *будуун* – букв. «толстый» – можно отнести к человеку в возрасте и солидному, важному человеку, добившемуся в жизни успеха.

В русской картине мира *старость* представлена также эвфемистическими субститутами: *на склоне дней, на закате дней, осень жизни, преклонные годы (лета), почтенные годы (лета), Ленина видел, похороны Сталина видел*. Последние два выражения имеют дополнительную экспрессивную окраску – они помечены в словаре как шуточные. Не менее популярным, особенно в разговорной речи, является использование литоты *не молода, он уже не мальчик, она уже не девочка, не становится моложе* вместо *стареть*.

В английском и немецком языках также можно проследить подобную тенденцию – употребление слов и выражений, указывающих на возрастные характеристики человека. Ср.: англ. *old people* – «старые люди», *retired person* – «пенсионер» воспринимаются носителями как обидные, оскорбительные. Подчеркнем, что в английском языке существует весьма выразительная система эвфемистических выражений, образно характеризующих человеческий возраст. Так, например, целый ряд эвфемизмов – метафоричен: англ. *seniors, senior citizens* – «пожилой». Лексическая единица «*senior*» в качестве компонента эвфемистического субститута имеет «двойную» смысловую нагрузку не только в значении «older», но и *middlescence* (период жизни от 40 до 65), *third age* – «третий век» (период жизни с 65 лет), *ageful (old), golden years* – «золотые годы» (считаются более приемлемыми), *advanced in age person, advanced adult, chronologically gifted* – «одаренный в возрастном плане», *silver years* «серебряные годы» (человек среднего возраста); эвфемистические выражения англ. *September people* «люди сентября», *autumn years* – «представители “осеннего” возраста».

В немецком языке старость – это *der Herbst des Lebens* – «осень жизни», *er ist aus den besten Jahren heraus* – «он уже не молод», *in die Jahre kommen* – «быть в годах».

Со структурной точки зрения исследованные нами эвфемизмы представляют собой многокомпонентные образования, в состав которых входят лексические единицы с ярко выраженной положительной семантикой, например *advanced*, *gifted*, своеобразие языкового употребления которых в политически корректном общении сопряжено с актуализацией «положительного смысла». Благодаря положительной семантике слов бур. *nahamай*, англ. *gifted*, *advanced* создается эффект трансформации «недостатка» в достоинство, «минус» превращается в «плюс» [6].

В бурятском обществе в прошлом не было брошенных сирот, не было бездомных стариков. Родственники брали на себя опеку, воспитание. Лишь в последние годы буряты появились в детских домах и домах престарелых. Издревле для бурят было неприемлемым оставить стариков или детей в случае трагедии, их забирали к себе родственники. Б.Э. Петри, характеризуя быт бурят, писал: «...у бурят нет нищих в том смысле, как культурные россияне понимают это слово: сирота, калека, вдова или немощный старик не бродят у них под окнами, вымаливая кусок хлеба. Эти слабые члены родовой общины содержатся всем родом, переходя из избы в избу, из юрты в юрту, живя в каждом определенное число дней и в каждой являясь равноправным членом семьи, имеющим место у очага, у котла с арсой или чаем, получающим от хозяина кусок мяса такой же величины, как и прочие куски, которые раздаются сыновьям и дочерям» [2].

Традиция почитать родителей, внутренняя тактичность, толерантность у бурят – генетическое, врожденное качество. Тем не менее беднота и нищета имеет место быть, что подтверждается словами данного концепта: *газаадаха* – «без крыши над головой» (досл. «быть на улице»), *ядуу нууха, хара сайтай нууха* – букв. «бедно сидеть, с черным чаем сидеть». Заметим, что в монгольской культуре *черный* – *хара* – цвет выступает как антипод белого. Если с белым связано позитивное начало в окружающем мире (все доброе, светлое, сакральное), то с черным цветом – все негативное (злое, темное, жестокое). *Хара сай* – «черный, не забеленный молоком чай»: пить черный чай расценивалось как предзнаменование обнищания, лишение основного богатства – домашнего скота.

В жизни бурятского этноса скотоводство было главным занятием. Оно обеспечивало население не только пищей, но и материалами для изготовления одежды и обуви, меховых одеял, войлока, использовавшегося для изготовления для спальных принадлежностей и покрытия юрт, шерстяных веревок, кожаных мешков, переметных сумм для верховых лошадей и т. д.

Скотоводческое хозяйство бурят основывалось на круглогодичном содержании скота на пастбище, на подножном корму. Буряты разводили овец, крупный рогатый скот, коз, лошадей и верблюдов. В связи с отсутствием домашнего хозяйства буряты испытывали трудности, нужду, что закреплено в следующих выражениях: *газар гэшихэхэ малгүй, гал тулихэ сусалгүй* – букв. «ни скотины, пасущейся по земле, ни головешки разводить огонь», *ган гэхэ нохой үгы, газар гэшихэхэ мал үгы* – букв. «ни собаки, которая бы лаяла, ни скота, который бы топтал землю»; *газаагаа нохойгүй, гарта бээлэйгүй* – букв. «на дворе без собаки, рука без рукавицы» в значении *неимуций*.

Таким образом, из приведенных выше примеров в бурятском мировидении основными составляющими благосостояния являются «домашний скот» – *мал*, «собака» – *нохой*.

В немецком языке следующие выражения со словом «собака», заменяющие денотат *бедный, неимуций arm*, представлены эвфемизмами *auf den Hund kommen, auf dem Hund sein*. Данные субституты стилистически смягчают слово *бедный*, однако в семантическом плане не имеют ничего общего с бурятскими выражениями, содержащими слово «собака», в немецкой картине мира данные выражения связаны с библейскими источниками. Полагаем, данные

эвфемизмы обусловлены различием культурных традиций, этнических особенностей языковых картин мира.

Одиночество, бедность характеризуются также эвфемистическими выражениями в бур. яз. *ганса бэе, гахай ябаган* – «один-одинешенек, пеший как свинья», *газар мургэхэ* – «об землю стукнуться» в значении *оказаться в тяжелом положении*, *ала салдан* – «промежность голая» в значении *плохо одетый, неимуций*, *дабһа долёохо* – «соль лизать» в значении *испытывать трудности*, *дабһан* – «соль» – по-видимому, наличие только соли на столе было признаком бедности, хотя на Руси соль в своё время была очень дорогим товаром, наличие соли на столе было, напротив, признаком достатка и благополучия. Её подавали на стол в дорогих солонках, ее берегли, запасали впрок, хвастались ею. Ценность соли породила целый ряд пословиц, поговорок, афоризмов, в которых подчеркивалось глубокое значение соли в жизни человека. Дорогих гостей встречали хлебом-солью, а чтобы хорошо узнать человека, предлагалось съесть с ним пуд соли.

В данном тематическом поле обратимся к примерам из немецкого языка, отметим, *nicht das Salz aufs Brot verdienen* – досл. «не заработать на хлеб с солью» в значении *жить в крайней нужде* вместо *arm* – «бедный», в английском языке с денотатом «соль» в значении *бедный, неимуций* выражения не выявлены.

В русском языке в официально-деловом стиле *бедняков* часто именуют «социально незащищенными слоями населения». Синонимом для данного эвфемизма выступает номинация «*малоимуций*».

В английском языке денотат *poor* – «бедный, неимуций» представлен следующими корректными субститутами: *outdoor urban dwellers* – «городские жители, живущие на свежем воздухе» или *residentially flexible* – «гибкие люди в плане места жительства». Вместо лексической единицы *homelessness* «бездомность, беспризорность» употребляется выражение *mortgage-free living* – «жизнь, свободная от ипотек или залогов». Слово *bum* обозначает людей, не имеющих ни дома, ни работы, занимающихся попрошайничеством. Вместо лексемы *bum* зачастую употребляется более завуалированное по смыслу выражение *displaced homeowner* – «смещенный домовладелец» или словосочетание, имеющее некий подтекст «оправдания» *involuntary domiciled* – «вынужденно помещенный на постоянное место жительства». Вместо лексической единицы *vagrant*, которая «ставит клеймо» на человеке, предпочтительней употребить более мягкое выражение *nonspecifically destituted individual* – «человек с четко не обозначенным/не выраженным пунктом назначения» [6].

Следует подчеркнуть, что эвфемизмы образуются и используются в речи как осознанно, так и неосознанно, без всякого желания что-то скрыть или недосказать. Последнее происходит, видимо, потому, что некоторые эвфемизмы возникли в языке давно, и мотивы их появления либо нивелировались, либо уже не могли быть объяснены.

Целесообразность и эффективность исследования прагматической стороны эвфемизмов признается многими учеными. Ведущим фактором в исследовании эвфемизмов является человеческий фактор, так как отношение между знаком и его пользователем – одно из важнейших свойств знака. Человек как категория делится на «позитивное» и «негативное», которого связывают либо с коммуникативной позитивной вежливостью (позитивное лицо), либо с коммуникативной негативной вежливостью (негативное лицо) [7].

Болезни – также одно из явлений человеческой жизни. Человек не любит болеть и признавать свои слабости, поэтому он старается, как правило, не озвучивать свое состояние здоровья посторонним людям. О таких болезнях, как рак, туберкулез не принято говорить вслух из-за страха перед смертью, о венерической болезни – из-за чувства стыда, о бесплодии – из-за такта, чтобы не задеть чувства женщины или мужчины. В сопоставляемых в данной работе

языках понятийная группа «болезнь» выглядит следующим образом: для обозначения тяжелого недуга **рак** в бурятском языке используются слова общего значения: *мухай үбиэн* – досл. «плохая болезнь», так и метафорического *хилэнсэтэ хорхой* – «грешный червь».

В английском языке – *growth* – «новообразование», *Big C* – «большая С», *long illness* «долгая болезнь» вместо *cancer* – «рак». Одна из целей эвфемистического обозначения болезней – попытка преуменьшить серьезность проблемы – достигается через мейозис: бур. *һагсарха* – «хворать» вместо *үбдэхэ* – «болеть»; рус. *недуг, недомогание* вместо *болезнь, недомогать, приболеть, побаливать*, англ. *feeling unwell* – «недомогать» вместо *feeling ill* – «болеть»; нем. *das Unwohlsein* – «недомогание».

Метафоризация также является способом замаскировать суть явления и представить болезнь так, чтобы произвести менее тягостное впечатление. Болеть означает в бурятском языке *хүйтэ абаха* – «простудиться» от *хүйтэ* – «холод», *абаха* «брать, взять», англ. *to catch cold* – «простудиться» от *to catch* – «поймать, ловить» и *cold* – «холод», *to take cold* – «простудиться» от *to take* – «брать, взять» и *cold* – «холод».

Применительно к тяжелобольному приняты выражения: бур. *хэбтэри болохо* – досл. «стать лежачим», нем. *bettlägerig* – «лежачий» от *das Bett* – «кровать» и *liegen* – «лежать», *im Bett liegen* – «лежачий» от *das Bett* – «кровать» и *liegen* – «лежать», англ. *to keep to bed* – «лежачий» от *to keep* – «держат, хранить» и *bed* – «кровать»; бур. *мяха бэээ хатаха* – «мясо, тело сушить», о безнадежно больном говорят *газар абаха* – «получать землю» от *газар* – земля, *хада гэр тээшээ харантуу байха* – «смотреть в сторону своего горного дома» от *хада* – «гора», *гэр* – «дом» [8].

Понятие «жизнь человека» включает также концепты, как «семья», «гендерные аспекты», отношение к старшим, беднота и нищета, болезни.

Общие, универсальные черты выявлены в эвфемизмах, относящихся к обозначению **интимных отношений**:

бур. *орондо оруулха* – «букв. впустить в кровать» вместо «иметь интимные отношения», подобные выражения можно найти и в русском, английском, немецком языках: рус. делить свое ложе с кем-либо»;

англ. *go to bed with sb* – «пойти в кровать с кем-либо», нем. *mit j-m das Bett teilen* – «букв. делить с кем-либо кровать». Сфера интимных отношений в разных языках и культурах содержат общую коннотацию «кровать»: в бурятском – «орон», английском – «*bed*» и в немецком языке – «*das Bett*»;

**отношения между полами** в значении конфликт, ссора, разногласия:

бур. *хабиралдаан* – «трение», *халбагаа хахарха* – «ложка треснула», нем. *sich reiben* – «от *reiben* 1. тереть; 2. натирать; 3. сталкиваться», *keinen guten Faden miteinander spinnen* – «букв. не сшить нить друг с другом» – не ладить друг с другом.

Выявлены универсалии в обозначении **людей преклонного возраста**: бур. *үндэр наһан болохо* – досл. «стать высоких лет», *наһатай* – «иметь возраст, с годами», рус. *преклонные годы (лета), почтенные годы (лета)*, нем. *in die Jahre kommen* – «быть в годах», бур. *боро толгойтой* – «с седеющей головой», англ. *blue hair* – «голубые волосы»; рус. *осень жизни*, англ. *September people* – «люди сентября», *autumn years* – «представители «осеннего» возраста», нем. *der Herbst des Lebens* – «осень жизни». По данному полю необходимо отметить национально-маркированную лексику: бур. *гушаяа хараха* – «увидеть своих правнуков».

В данном исследовании представлены эвфемистические обозначения, вербализующие концепт «нищета, бедность». В основе эвфемизмов данного семантического поля выделены:

бур. *газаагаа нохойгүй, гарта бээлэйгүй* – «букв. на дворе без собаки, на руке без рукавицы» в значении *неимуций*, нем. *auf den Hund kommen, auf dem Hund sein* – «букв. на собаке приходиться, на собаке быть».

Выявлены и национально-маркированные. Ср.: бур. *ганса бэе, гахай ябаган* – «один-одинешенек, пеший как свинья», *газар гэххэхэ малгүй, гал түлхэхэ сусалгүй* – «букв. ни скотины пасущейся по земле, ни головешки разводите огонь», *ган гэхэ нохой үгы, газар гэххэхэ мал үгы* – «букв. ни собаки, которая бы лаяла и скота, который бы топтал землю».

Язык концепта «жизнь человека» насквозь антропоцентричен: все прошлое, настоящее бытие человека, его креативно-мыслительная и познавательная деятельность отражены и зафиксированы в языке. Полагаем, явления эвфемии должны рассматриваться как *универсалии* не только в структурном, но и в семантическом плане, что подтверждает проведенное нами исследование. В языковой картине эвфемизмы обладают и *национально-маркированными* чертами, обусловленными особенностями функционирования каждого отдельного языка, историческим и культурным своеобразием конкретной речевой культуры и традициями народов.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – С. 197–198.
2. Петри, Б.Э. Брачные нормы у северных бурят [Текст] / Б.Э. Петри. – Иркутск, 1924. – 64 с.
3. Хангалов, М.Н. Собрание сочинений [Текст] / М.Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т.3. – С. 172–177.
4. Басаева, К.Д. Семья и брак у бурят [Текст] / К.Д. Басаева. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1991. – 192 с.
5. Дондокова, Л.Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / Л.Ю. Дондокова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. сельхозакадемии им. В.Р. Филиппова, 2008. – 208 с.
6. Цыдендамбаева О.С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «Человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков): дис. ... кан. филол. наук. – Бурятский гос. университет, Улан-Удэ, 2011. – 149 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: – ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Цыдендамбаева О.С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «Человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков): Автореф... дис. кан. филол. наук. – Улан-Удэ: 2011. – 21 с.
9. Шагдаров, Л.Д. Буряд-оруд толи. Бурятско-русский словарь [Текст] / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – Т.1. – 636 с.; 2008. – Т. 2. – 708 с.
10. Das Bildwörterbuch [Text] / Wermke M. [und andere]. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002. – Band 3. – 1103 S.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Text] / P. Gillard. – Kundli: Cambridge University Press, 2003. – 416 p.



**Tsydendambaeva Oyuna Sergeevna**

East Siberia state university of technology and management, Ulan-Ude, Russia  
E-mail: ozdojuna@inbox.ru

## **The concept of human life in a euphemistic picture of the world based on the material of English, German, Russian, Buryat languages**

**Abstract.** This article is devoted to the study of euphemisms in multisystem languages, from the standpoint of how they reflect a certain vision of the world by a person and how to conceptualize it in a language, how they reflect the cognitive experience of a person, and his self-consciousness. Euphemisms remain to date insufficiently studied. Meanwhile, the study of the linguistic expression of key cultural concepts is one of the most important programs of modern linguistics, the need for a linguocultural approach to the analysis of euphemisms in languages, its consideration in the light of modern sociocultural changes that make the appeal to euphemisms and the values reflected by them especially timely.

The concept and phenomenon called “human life” is a universal that exists in any culture. This universal is multifaceted, with the apparent evidence of content, it is very difficult to determine, it is interpreted and conceptualized differently in different languages and cultures. Understanding of life, attitude to life in any linguistic culture is a basic guideline of human behavior, which determines ethnospecific norms and stereotypes of communication, as well as the mentality of native speakers.

In this paper, on the basis of the studied corpus of euphemisms, we attempted to simulate the concept of “human life” for the reconstruction of fragments of the picture of the world of speakers of diverse systems of languages.

When studying the concept of “human life”, connotations associated with concepts about the family and home as the main attributes of human life are characteristic.

The research used the following methods: general scientific – analysis and synthesis, special methods of semantic analysis, modeling, definitional and conceptual analysis.

**Keywords:** concept; euphemism; picture of the world; metaphor; metonymy; personification; universals; national-marked vocabulary; substitute; mentality

### **REFERENCES**

1. Yaspers K. (1994). *Smysl i naznachenie istorii. [The meaning and purpose of history.]* Moscow: Republic, pp. 197–198.
2. Petri B.Eh. (1924). *Brachnye normy u severnykh buryat. [Marriage rates in northern Buryats.]* Irkutsk, p. 64.
3. Khangalov M.N. (1960). *Sobranie sochineniy. [Collected works.]* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, pp. 172–177.
4. Basaeva K.D. (1991). *Sem'ya i brak u buryat. [Family and marriage at Buryat.]* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, p. 192.
5. Dondokova L.Yu. (2008). *Status zhenshchiny v traditsionnom obshchestve buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [The status of women in traditional society is drilled (second half of the 19th – early 20th centuries).]* Ulan-Ude: Publishing House Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippova, p. 208.

6. Tsydendambaeva O.S. (2011). Ehfemisticheskaya kartina mira: kontseptosfera «Chelovek» (na materiale buryatskogo, russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov). [*Euphemistic picture of the world: the conceptual sphere "Man" (based on the material of the Buryat, Russian, English and German languages).*] Ulan-Ude: Buryat State University, p. 149.
7. Makarov M.L. (2003). Osnovy teorii diskursa. [*Fundamentals of Discourse Theory.*] Moscow: Publishing and trading house of the humanitarian book "Gnosis", p. 280.
8. Tsydendambaeva O.S. (2011). Ehfemisticheskaya kartina mira: kontseptosfera «Chelovek» (na materiale buryatskogo, russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov). [*Euphemistic picture of the world: the conceptual sphere "Man" (based on the material of the Buryat, Russian, English and German languages).*] Ulan-Ude, p. 21.
9. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (2006/2008). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar'. Tom 1/Tom 2. [*Burya-Orod Toli. Buryat-Russian dictionary. Volume 1 / Volume 2.*] Ulan-Ude: Republican Printing House, p. 636 / p. 708.
10. Wermke M. (2002). *Das Bildwörterbuch*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, p. 1103.
11. Gillard P. (2003). *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Kundli: Cambridge University Press, p. 416.